

Трудные вопросы коллективной памяти о сталинизме в российском обществе

В статье путем анализа одного казуса ставится проблема коллективной памяти о сталинизме в современном российском обществе. Рассматриваются аспекты преподавания сталинизма в школе и выявляются основные факторы, делающие вопрос о репрессиях трудным в рамках современного образования. Предлагается корректировка существующих теоретических подходов к анализу коллективной памяти в связи с развитием новых информационных технологий.

Ключевые слова: коллективная память, сталинизм, репрессии, ризома, «трудные вопросы».

Одним из самых заметных «поворотов» в историографии последнего времени является обращение исследователей не только к изучению прошлого в духе фон Ранке – «как все происходило на самом деле», но и к тому, как функционирует память о прошлом. Такое внимание к теме коллективной памяти связано и с важностью теоретического осмысления этого феномена, и с большой ролью коллективной памяти в жизни общества. Травматический опыт европейских стран в «коротком XX веке» заставляет власть и общество формулировать свою позицию по отношению к предыдущим эпохам.

Алейда Ассман, размышляя о мемориальной культуре в Европе, отмечает, что для Западной Европы память о Холокосте становится важным объединяющим фактором, отталкиваясь от которого выстраивается современная политическая традиция. В то же время для стран Восточной Европы память о Холокосте на современном этапе не является важной частью идентичности. Рефлексия о советском периоде истории для них гораздо важнее. Вторая Мировая война охватывает период с 1939 по 1945 гг., и страны Балтии не имели государственной независимости с 1940 по 1991 год. Для них длительность и влияние советского периода несоизмерима с памятью о нацизме. Попытки приравнять господство СССР в Восточной Европе к нацистской диктатуре, дабы найти общий исторический фокус, в свою очередь, приводят к идеологическим конфликтам. Так, многие жители Германии, даже положительно оценивая объединение ГДР и ФРГ, не готовы поставить знак равенства между Третьим Рейхом и ГДР. Современная Европа, несмотря на политическую и экономическую интеграцию, оказалась расколотой на уровне коллективной памяти¹.

В современной России проблема коллективной памяти является еще более актуальной. Страны Западной и Восточной Европы, несмотря на существование

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014; Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016.

различных акцентов в восприятии прошлого, в целом характеризуются единством восприятия событий XX в., рассматривающихся в качестве травмы/травм или своеобразного тупика, из которого удалось выйти на правильный путь исторического прогресса. В России, начиная со второй половины 1980-х годов, можно говорить о существовании различных вариантов коллективной памяти, которые активно конкурируют между собой в информационном пространстве.

Наиболее сложной темой для отечественной коллективной памяти является сталинская эпоха. На протяжении последних лет можно увидеть крайне противоположные тенденции в оценке этого периода в публичном пространстве и различных формах коммеморации, заключающейся в увековечивании памяти о прошлом. С одной стороны, в 2011 г. прошло заседание Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, на котором основным вопросом были предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении»². Считается, что под руководством Д.А. Медведева в стране была запущена третья волна десталинизации. С другой стороны, в различных городах страны отдельные лица и различные группы устанавливают памятники Сталину, вывешивают билборды с его изображением и т.д.³, что зачастую заканчивается общественными дебатами и локальными скандалами. По сути, эти факты являются проявлением общей тенденции к расколу российского общества и невозможности реализовать идею общественного примирения в силу различных точек зрения на сталинский период.

Помимо социально значимого аспекта тема коллективной памяти является актуальной и с точки зрения историографии. Традиционно историю изучения коллективной памяти начинают с работы Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти»⁴, основанной на социологических разработках Эмиля Дюркгейма. Идеи Хальбвакса были повторно введены в гуманитарную сферу относительно недавно. Данное явление связано с исследованиями Пьера Нора⁵ и Яна Ассмана⁶, которые предложили как теоретические модели описания коллективной памяти, так и конкретные исторические примеры реализации методологических подходов через изучение опыта коммеморации во Франции. В дальнейшем можно фиксировать рост количества работ, посвященных данной тематике. В России тема коллективной памяти возникла в начале 2000-х годов, когда вышли переводы основ-

² Социальная поддержка жертв репрессий в программе «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» / http://www.memo.ru/2011/02/04/social_support.htm

³ Трепешите, ядом плюйте: Как Иосиф Сталин возвращается в жизнь современной России / <https://meduza.io/feature/2016/02/25/trepeschite-yadom-plyuyte>

⁴ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

⁵ Франция-Память. СПб., 1999.

⁶ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

ных работ западных исследователей. При этом отечественная историография оказалась в ситуации догоняющего развития. Большинство исследователей воспроизводят концептуальные построения, без учета дискуссий в мировой историографии⁷. В целом изучение коллективной памяти в России прошло стадию формирования, но еще не достигло зрелости. Поэтому как изучение отдельных аспектов, так и постановка теоретико-методологических вопросов крайне важны для развития данного направления в отечественной историографии.

8 июля 2016 г. в сервисе микроблогов Twitter была опубликована запись «Проходим сталинизм, дал школьникам задание написать донос, только один из 16 отказался это сделать, а один из доносов был на меня»⁸. Этот твитт буквально «взорвал Интернет» (1800 репостов) и вызвал бурное обсуждение в социальных сетях и на других сайтах. Отметив такую популярность, на историю с заданием обратили внимание и СМИ, запустив вторую волну общественной дискуссии. Важность данного казуса заключается в том, что этот твитт затрагивает сразу две большие проблемы российской коллективной памяти. С одной стороны, это проблема преподавания темы сталинизма и репрессий в школе, с другой, – через реакцию на такое задание можно проследить вариативность восприятия сталинизма в русскоязычном сегменте Интернета.

С 2013 г. в России разрабатывался Историко-культурный стандарт, который должен стать основой для новой линейки или линеек школьных учебников по истории. Важным требованием со стороны правительства было отсутствие внутренних противоречий и двойных толкований. Предполагалось, что на уровне школьного курса истории необходимо давать однозначные ответы на любые дискуссионные вопросы. Дополнением к Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории был сформулирован примерный перечень «Трудных вопросов истории России». Двенадцатый пункт в этом перечне был следующим: «Причины, последствия и оценка установления однопартийной диктатуры и единовластия И.В. Сталина; причины репрессий»⁹. Сложность преподавания сталинских репрессий можно вывести из двух оснований. Во-первых, отсутствие общественного консенсуса, обусловленного, помимо прочего, масштабностью самого явления сталинизма. Н. Копосов в своем исследовании, опираясь на социологические опросы жителей Ленинграда/Санкт-Петербурга, пришел к выводу о существовании «золотого мифа сталинизма». Базой для него служит идея «золотого века», который контрастирует с упадком в настоящее время. Это представление о честных и порядочных людях,

⁷ Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.

⁸ <https://twitter.com/alexandrfokin/status/618705827797565441>

⁹ Историко-культурный стандарт // <http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii/istoriko-kulturnyj-standart.html#primer>

которые не имели ничего общего с преступлениями сталинского режима. Поэтому симпатии к Сталину и сохраняются в силу того, что он является символом той общности, с которой отождествляет себя большинство россиян¹⁰.

Во-вторых, следует добавить еще представление о Сталине как о сильном руководителе, который, используя жёсткие меры, добивался необходимых результатов. Условно эту точку зрения можно обозначить как «Сталин – эффективный менеджер». Такое выражение одной из первых употребила школьница, участвующая в конкурсе «Мемориала». Я говорю: «Скажи, а ты можешь сформулировать, как ты все-таки к Сталину относишься?». Причем, надо вам сказать, что она свою работу написала о том, что у нее один дед был сослан из Литвы в 19 лет, попал в Сибирь за участие в сопротивлении, а бабушка (так они там и познакомились) – за связь с бендеровцами. Эту историю своей семьи она в работе подробно описывает. Эта девочка отвечает мне: «Про Сталина, что вам сказать? Он был эффективный менеджер»¹¹. В дальнейшем эта фраза была растиражирована в связи с обсуждением учебника А. Филиппова и А. Данилова, в котором репрессии рассматриваются как способ мобилизации населения и управленческой элиты. Таким образом, создается впечатление, что в сталинский период не было многих негативных черт современной бюрократической системы, например, коррупции и нецелевого использования бюджетных средств, что не соответствует исторической действительности.

Важной причиной сохранения популярности Сталина и сталинизма является его связь с Великой Отечественной войной. В последнее время можно отчетливо фиксировать, что как на уровне государства, так и на уровне общества Великая Отечественная война приобрела статус главного события отечественной истории, через которое формируется гражданская идентичность. По сути, современная Россия нашла в Победе миф основания и легитимации. Наиболее ярким примером является популярность Великой Отечественной войны на уровне ритуалов. К ним относятся «георгиевская ленточка», которая прочно стала ассоциироваться с празднованием 9 мая, и различные автомобильные наклейки с текстом «Спасибо деду за победу», и акция «Бессмертный полк», в которой только в Москве в 2016 г. приняло участие около 700 тысяч человек. При этом крайне затруднительно изъять из истории Великой Отечественной войны Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, Председателя Государственного комитета обороны, Генералиссимуса Советского Союза, кавалера ордена «Победа» И.В. Сталина. Зачастую именно этим аспектом и пользуются неосталинисты, стремясь вернуть его культ в публичное пространство.

Второе основание сложности преподавания сталинских репрессий связано с дискуссией внутри самого исторического сообщества. Тема сталинизма

¹⁰ *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011. С. 123–128.

¹¹ *Щербакowa И.* Дети, родившиеся в начале 90-х годов, попали в пространство, где нет передачи памяти // http://www.gorby.ru/activity/conference/show_685/view_27419/

является наиболее хорошо изученной из всего советского периода, практически невозможно обобщить и систематизировать весь спектр статей и монографий по данному вопросу. Хотя следует отметить, что, в отличие от Холокоста, применительно к сталинским репрессиям отсутствует обилие исследователей, которые бы усомнились в их реальности. Как сторонники тоталитарного подхода, так и ревизионисты признают наличие сталинского террора, но по-разному интерпретируют его причины, цели и задачи. На данный момент можно выделить два подхода к «Большому Террору»: 1) «обусловленный», согласно которому репрессии получили такой размах за счет неправильного понимания приказов сверху и участия общественности в расширении круга жертв; 2) «интенционалистский», согласно которому Сталин и партийно-государственная верхушка несли личную ответственность за совершенные преступления¹². Различие этих подходов обусловлено той ролью, которую играло советское общество в репрессиях – жертвы или соучастника? От ответа на этот вопрос зависит и то, как надо преподносить тему школьникам.

Содержание задания, опубликованного в твитте, ставило перед школьниками следующие вопросы: степень участия населения в сталинском терроре, готовность граждан самостоятельно включаться в поиск «врагов народа» в собственных корыстных интересах или с целью демонстрации лояльности к режиму. Через разоблачение «шпионов и вредителей» можно было выстроить образ правильного советского человека, а работа над собственной субъективностью была важной частью советского проекта по созданию «нового человека».

Но если вопрос преподавания темы репрессий в школе и поднимался в рамках обсуждения твитта, то это были единичные случаи, особенно на фоне активной дискуссии о месте сталинизма в современном российском обществе. Необходимо учитывать, что дискуссия в русскоязычном сегменте Интернета происходила на фоне обострения российско-украинских отношений и бурной волны декоммунизации на Украине, символически обозначенной как «ленинопад». В силу этого задание школьникам «дискутанты» использовали как пример различия исторической политики двух стран, в одной из которых возрождается «негативный» советский опыт, а другая стремится его преодолеть для того, чтобы войти в число европейских стран. Таким образом, через восприятие прошлого происходит самоопределение нации и выстраивание политического дискурса.

Сталинизм является водоразделом не только между гражданами разных государств. Именно в сети наиболее ярко проявляется раскол коллективной памяти в российском обществе. Этот разрыв последних лет связан с идеологическими и с технологическими аспектами. Изначально концепция Я. Ассмана строится на разграничении способов фиксации памяти. Коммуникативная память, которая получает возможность выйти за рамки устной традиции, может стать культурной и получить своих хранителей. Поскольку на протяжении всей истории челове-

¹² Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 139.

ства доступ к распространению информации оставался прерогативой немногих, появился термин «безмолвствующее большинство», описывающий невозможность основной массы населения оставить свой след в истории.

В XXI в. происходит трансформация информационного поля в связи с развитием сетевых технологий. И если СМИ и официальные каналы по-прежнему остаются в руках элиты, то Интернет позволяет практически каждому сделать свои мысли достоянием общественности. В последнее время наиболее актуальными являются ресурсы, которые активно используют User-generated content (контент, созданный пользователями) [в дальнейшем UGC]. UGC реализуется в различных формах: форумы, блоги, социальные сети и т.д. С точки зрения источниковедения, тексты, порожденные в рамках UGC, следует рассматривать как эго-документы, массовость которых создает более благоприятные условия для современных исследований по сравнению с предыдущими периодами истории, в данном случае отечественной. Даже для советского периода источники личного происхождения (письма, дневники, мемуары) являются редкостью, не говоря уже о дореволюционном прошлом, когда низкий уровень грамотности не позволял появиться большому количеству эго-документов.

Бурный рост «всемирной паутины» приводит к ситуации, когда основным производителем контента становится пользователь, что разрушает монополию на интерпретацию фактов, которая раньше принадлежала властям или академическим структурам. Если следовать классификации Я. Ассмана, необходимо отметить, что в современности возникает третий тип коллективной памяти, который можно рассматривать или как синтез двух выше означенных типов, или как принципиально новое явление.

Предварительно можно обозначить третий тип как «сетевую память». Ее особенность заключается в том, что носителями информации о прошлом являются не профессиональные группы, а обычные пользователи всемирной паутины, создающие контент для таких же пользователей. Сеть создает возможность быстро распространять информацию, которую крайне сложно отфильтровать. Происходит разрушение монополии на историческую память. Если раньше власть и академическое сообщество могли контролировать выход книг, журналов, передач и т. п., посвященных прошлому, то сейчас практически отсутствуют все препятствия для распространения информации.

Современный Интернет, активно использующий принципы Web 2.0, можно отождествить с ризомой Ж. Делеза и Ф. Гваттари¹³. Они противопоставляли структуру ризомы как формы номадологического проекта традиционным линейным моделям, которые характерны для европейской культуры после развития книгопечатания. Вместо системы-корня авторы говорили о системе-корневище, которая потенциально бесконечна, поскольку любая точка ризомы может быть связана с любой другой. Между точками отсутствует иерархия, то

¹³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010.

есть нет точек с привилегированным статусом. Делез и Гваттари обозначают этот признак как «связь и гетерогенность». Еще один принцип получил название «незначашего разрыва»: любое повреждение ризомы не повлияет на нее, ибо она продолжит рост в другом направлении. Принцип «множественности» означает, что в ризоме важны линии, соединяющие точки между собой, а не сами точки как таковые. Важными принципами являются «картография» и «декалькомания», характеризующие ризому как механизм со множеством входов, которые не являются простым копированием уже существующего.

В 1990-е годы ризому понимали как Интернет в целом¹⁴. Сама метафора «всемирная паутина», по сути, является одной из форм ризомной структуры. Но на сегодняшний день логичнее говорить именно о ресурсах Web 2.0 как о воплощении идеи Делеза и Гваттари. Рассматривая такие ресурсы, как «Wikipedia», «Livejournal», «ВКонтакте» и др., можно признать их потенциальную бесконечность, которая ограничена только техническими возможностями серверов и каналов. Все они построены по принципу возможности связать любую страницу с другой, и каждая из них имеет одинаковый функционал. Удаление одной страницы никак не повлияет на работу всего ресурса. Огромное значение гипертекстовой разметки в сети приводит к ситуации, когда страница, не соединённая с другими, фактически не существует. Важно отметить наличие односторонних связей, при которых сама страница не ведет на другую, но на нее есть ссылки. Отсутствие прямого копирования и возможность множества входов лежит в основе идеи UGC. Все это позволяет говорить о ризоматическом характере многих популярных ресурсов. Особое значение имеет тот факт, что подобные ризомы в сети играют большую роль. Социальные сети, видеохостинги и торренты генерируют основную долю траффика, а если исключить из списка поисковые машины, то ризомные ресурсы окажутся самыми посещаемыми.

Подводя итог, следует сказать, что историки только приближаются к Интернету как к источнику необходимой информации. Пока нет ни четких методов, ни проверенных инструментариев работы с ним, да и интенсивное развитие технологий приводит к постоянным изменениям в Сети. То, что было актуально вчера и сегодня, завтра уже будет всеми позабыто. В рамках данной статьи были намечены направления взаимосвязи изучения современных медиа и коллективной памяти. Отдельная ситуация может помочь исследователю понять механизмы функционирования представлений о прошлом, но важно сделать шаг от частного к общему, а для этого требуется коллективная работа. Если коллективная память россиян находит своих исследователей, то сетевое пространство для историков, по сути, представляет собой Terra incognita, которая нуждается в своих первопроходцах.

¹⁴ *Емелин В.А.* Ризома и Интернет. URL: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm> (дата обращения: 17.04.2016)

Библиография

- Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. 328 с.
- Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016. 232 с.
- Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010. 895 с.
- Емелин В.А.* Ризома и Интернет. URL: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm> (дата обращения: 17.04.2016)
- Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. 326 с.
- Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011. 320 с.
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.
- Франция-Память. СПб., 1999. 333 с.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.